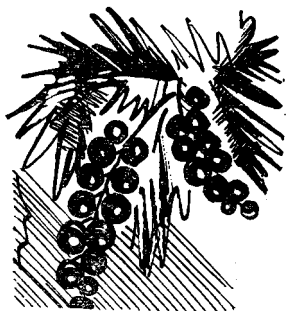

Смородина и смрад

В современном русском литературном языке слова *смрад* и *смородина* ничем не связаны. Они далеки по значению: *смрад* — ‘отвратительный запах, зловоние’, *смородина* — ‘ягода’ и ‘растение, дающее такие ягоды’.

Между тем по происхождению это однокоренные слова. Родство их уходит в далекое прошлое, когда был единый праславянский корень *сморд-*, получивший затем в разных славянских языках различное звучание: в восточнославянском (древнерусском) языке, из которого впоследствии развились русский, украинский и белорусский, он стал звучать как *смород-*, в южнославянских — *смрад-*. Южнославянская неполногласная форма в числе многих других была усвоена древнерусским языком из старославянского церковно-книжным путем.

Слова с корнями *смрад-* и *смород-* имели в древнерусском языке одинаковые значения: *смрадъ* и *смородъ* — ‘зловоние’, *смраднѣй* и *смороднѣй* — ‘зловонный’. Но, как и все старославянские и восточнославянские параллельные формы, употреблялись они по-разному. Слова с неполногласием были свойственны письменному языку, главным образом произведениям на религиозные сюжеты. Слова с полногласием широко использовались в живой речи; употреблялись они в деловой и бытовой письменности и чаще, чем слова с корнем *смрад-*, встречались в летописях. Слово *смрадъ* употреблено в религиозном сочинении «Поучение архиепископа Луки Жидяты к братии» (XIII — XV вв.): «Оутро [завтра] боудемъ смрадъ и гной и червие», а *смраднѣй* — в «Путешествии игумена Даниила по святой земле» (начало XII в.): «Духъ зноинныи ... попадаеть землю ту зносемъ тѣмъ смраднѣмъ».

Смородъ известно в I Новгородской летописи (XIII—XIV вв.): «Конь [лошадей] мѣножьство помре, яко нълзѣ бѣше [так что нельзя было] дойти до тѣргоу [на торговую площадь] сквозѣ городъ ... ни на поле выйти смороды [из-за зловония]».

В более позднее время у слов с полногласным корнем появляется новое значение: смородина — ‘ягода’, сморodinный — ‘относящийся к ягоде смородине’. Это было еще в период общности восточнославянских языков, так как слово *смородина* есть не только в русском, но и в украинском языке. Прилагательное *смородынный* встречается в памятнике XV века, посвященном торговой сделке — Купчей игумена Василия у Матвея и Самуила Назаровых: «По кустовью да на смородынной кустъ».

Причиной употребления корня со значением ‘скверный запах, ‘зловоние’ в названии ягоды послужил резкий запах, свойственный черной смородине. Ягоде просто не повезло, когда она получила название, имеющее столь неприятные ассоциации, ведь ее запах не такой уж плохой. В русском языке название *смородина* относится не только к черной, но и к красной и белой смородине, которые, как известно, не отличаются сильным запахом. В украинском *смородина* — это лишь ‘черная смородина’, а красная и белая называются словом *порічки* (белорусское *парэчки* — название всех видов смородины).

Интересно, что и другие слова того же корня, существующие в украинском языке и в русских говорах, используются для обозначения пахучих растений (в украинском, например, ‘валериана’ называется *смердючка*, а в некоторых русских говорах — *смердянка*) или насекомых, издающих сильный запах (украинское *смердюх* — насекомое из семейства полужесткокрылых). Вспомним также древнерусское *смьрдъ* ‘смерд’, буквально ‘неприятно пахнущий’ — так называли представители власти крестьян. Во всех этих словах, как и в глаголе *смердеть*, представлен тот же корень, что и в *сморд* — *смород*, но с чередованием гласного с редуцированным гласным ъ, который затем перешел в е.

Надо сказать, что русские говоры более справедливы к ягоде смородине. В них существует много названий этой ягоды, не связанных с ее запахом: кисленица, кислянка, княженица, княжиха, лядуница, сестреница, тюхтя, таракушка и др.

Первоначально связь слов *смрадъ* и *смородина* ощущалась достаточно отчетливо, но позднее, когда в русском литературном языке *смород* 'зловоние' становится все менее употребительным, а потом и вовсе утрачивается, *смрад* и *смородина* все больше отдаляются друг от друга. Однако в других восточнославянских языках судьба слов *смрад* и *смородина* сложилась иначе.

В украинском и белорусском языках слова этого корня с полногласием сохраняются до сих пор. Так, в украинском наряду с названием ягоды *смородина* и его производными употребляются слова *сморід* 'вонь' (с фонетическим переходом звука *o* в *i*), *смородь* 'смрад, вонь', *смородливий* 'смрадный', *смородливість* 'смрадность'; в белорусском — *смурод* 'вонь, смрад', *смуродзіць* 'вонять', *смуроднасць* 'зловоние', *смуродны* 'вонючий', 'зловонный'. Они сосуществовали в этих языках не с южнославянскими по происхождению неполногласными образованиями, как в русском языке, а с западнославянскими формами на *смрод-*, пришедшими сюда из польского языка: в белорусском *смрод*, *смродзіць*, *смродно*, в украинском — *смрід*. Западнославянские формы слов этого корня встречаются также в некоторых западных русских диалектах. В 1961 году в одном из псковских говоров было записано *смрод* в значении 'плохой, испорченный воздух': «В городе смрод один». Западнославянские формы в украинском и белорусском языках менее устойчивы, чем южнославянские в русском, в XX веке они вытесняются исконными полногласными.

Слова с полногласным корнем в таком значении в русском языке сохраняются только в диалектах, где можно обнаружить и в наше время употребление *смород*, большей частью со значением 'запах от пригорелого, паленого'. Псковские крестьяне на вопрос, что такое *смород*, отвечают: «Смород — когда поросят палят»; «Смород — льняное масло горит»; «Насмородил целую комнату — сало горит». В XIX и начале XX века в диалектах употреблялось больше слов этого круга: смородить, смородливый, смородный, смородовать, смородь и т. п., в том числе и *смородина* 'сильный запах гнили'. Такие слова в XIX веке отмечались еще и в словарях литературного языка, но в письменном языке они почти не встречаются уже в XVIII веке.

Наоборот, слова с неполногласием в русских говорах, в отличие от литературного языка, почти не употребляют-

ся (лишь однажды, в 1900 году, в Тульской губернии было записано слово *смрад* в значении 'испорченный воздух'). И дело здесь не в том, что неполногласные формы вообще чужды русским говорам, как считалось до недавнего времени. Теперь известно, что слова с неполногласием употребляются в русских говорах во многих случаях. Больше того, подчас они получают здесь новые значения и дают новые производные. Отсутствие в диалектах неполногласных форм с корнем *смрад-* объясняется, по-видимому, теми же причинами, что и исчезновение из русского литературного языка слов с корнем *смород-*, обозначающих запахи. Причины эти связаны с сужением значения и сферы употребления тех и других.

С древности слова с корнями *смрад-* и *смород-* используются в письменном языке для обозначения немногих видов запахов: ими обозначается запах чего-либо гниющего или горящего. Кроме того, *смрад* обозначает запах табака. *Смород* постепенно все более сужается в значении и, перед тем как окончательно выпасть из литературного языка, обозначает лишь запах чего-либо пригорелого, паленого (что соответствует его современному применению в говорах). Такое узкое употребление делает их менее жизнеспособными, чем другие слова, обозначающие запахи, которые могли применяться к самым разным запахам. Древнерусское *воня* могло обозначать запах и дурной и хороший (позднее *вонь* — только 'дурной запах', но без каких-либо других ограничений в употреблении). То же можно сказать про слова *запах* и *дух*. Сохраняющаяся в современном русском литературном языке неполногласная форма *смрад* применяется очень ограниченно и потому, видимо, мало жизнеспособна. Неудивительно, что в говорах она почти неизвестна. Все меньше используется здесь и полногласная форма *смород*. В диалектах для обозначения запахов гораздо шире применяются слова с другими корнями — *дух*, *вонь*, *запах*, даже в тех случаях, когда ситуация не противоречит использованию слова *смрад* или *смород*: «Ладаном окуривают покойника, дух нехороший отгоняют» и «Когда весною березка липки раскидывает, дух сладкий идет» (записано в псковских говорах). Широко употребляются в диалектах также слова *вонять*, *вонючий*, *пахнуть*, *пахнучий* и т. п.

Сходную судьбу со словами *смрад-*, *смород-* имеет слово того же корня *смердеть* 'плохо пахнуть, вонять'. С древности оно употреблялось в том же значении, что и слова *смо-*

род-, *сморд-*. В памятнике церковной письменности Минее (1097) читаем: «Двоу ногыбающеу и ввърженоу въ смърдящїи въ гробъ». Кроме того, оно ограничено и стилистически — его используют преимущественно памятники высокого стиля. Книжная окраска сохраняется у этого слова до нашего времени. В некоторых современных говорах оно имеет очень определенное значение, четко соотносящееся со значениями других слов, обозначающих запахи: «Покойник так он смердит, а лук воняет, духам [духами] пахнет». Иногда оно применяется только по отношению к некоторым предметам, издающим неприятный запах при горении. Часто слово *смердеть* связывается в говорах с церковной и древне-книжной фразеологией, остающейся в памяти носителей современных диалектов еще с дореволюционного времени, когда такие обороты попадали в речь жителей деревни при обучении в церковно-приходских школах, а у старообрядцев и из древних церковных книг.

Известный языковед В. И. Чернышев записал в 1910 году в говоре Юрьевского уезда Владимирской губернии (позднее отмечено в Мещовском уезде Калужской губернии) сочетание *пес смердящий*, используемое как ругательство по отношению к курильщикам. Это сочетание часто используется в древних памятниках, в нем имеется причастная форма, характерная для книжного языка. Впрочем, говорам известны и русские формы этого слова с суффиксом *-уч*, *-яч*: «Не буду я это смердучее лекарство пить» (русский говор в Литовской ССР), «смердячий» (о падали — в южных и западных говорах).

Таким образом, слова с корнями *смород-*, *сморд-*, *смерд-* в древних значениях все менее употребительны в русском языке. Это обусловлено не столько процессами стилистического размежевания или вытеснения одной из форм, какие характерны обычно в русском языке для параллельных полногласных и неполногласных образований, сколько причинами, связанными со значением этих слов. В результате они полностью расходятся в значении со словом *смородина*, что уже произошло в литературном языке и происходит теперь в говорах.

До сих пор существуют говоры, в которых сохраняется связь по значению слов *смородина* и *смород* 'запах'. В говоре села Ермаковского Шушенского района Красноярского края употребляются *смород* 'чад от горящего жира', *смородина* 'ягода черная смородина', *кислица* 'красная

смородина², и, по-видимому, здесь название черной смородины, иное, чем у красной, связывается еще с ее запахом. Вместе с тем во многих диалектах, где употребляются слово *смородина* и его производные, иногда отсутствующие в литературном языке (смородка, смородье, смородный и др.), связь этого слова со *смород* 'дурной запах' уже не ощущается, как и в литературном языке. *Смород* в таком значении в большинстве говоров уже утрачено. Если в одном из говоров Рыбинского уезда Ярославской губернии в 1910 году было записано прилагательное *смородный* в значениях 'смородинный' и 'смрадный', то приблизительно в это же время известный этимолог А. Г. Преображенский отмечал отсутствие в родном для него говоре села Заулья Севского уезда Орловской губернии слов на *смород-* в значении 'плохой запах, вонь'.

В таких случаях *смородина*, как и в литературном языке, становится изолированным от слов со значением 'запах'. При этом оно может переосмыслиться. Так, Преображенский записывает в значении 'смородина' слово *самородина* 'ягода, родящаяся сама'. Появление корня *самород-* сначала было вызвано фонетическими причинами: *a* — вставной гласный, появляющийся между согласными и характерный для некоторых слов в говорах юго-восточной диалектной зоны: *пашено* 'пшено', *пашеница* 'пшеница'. Позднее, когда связь слова *смородина* с корнем *смород-* окончательно забывается, форма *самородина* получает вторичное осмысление. Такая же народная этимология преобразует слово *смородина* в *самородина* и в говоре деревни Деулино Рязанской области (см.: Словарь современного русского народного говора. М., 1969), в котором тоже нет слова *смород* 'плохой запах, вонь', зато есть прилагательное *самородный* 'естественный, природный': «У него кудри самородные».

О. Г. ПОРОХОВА
Ленинград

*По просьбе читателей
со следующего номера мы начинаем печатать
Словарь произношения и ударения.
В словарь войдет много слов и форм, которых нет
в справочниках по ударению и произношению.*